

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, КОММУНИКАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ, ИНФОРМАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ...

Термин *языковая личность*, ставший популярным в контексте постструктуралистского развития лингвистики, помог обозначить важный вектор изучения языковой проблематики. Симбиоз гуманитарных знаний стал в XX в. научным трендом, что отражалось в трудах самых разных ученых – не только у наиболее часто цитируемых в данной связи Й. Л. Вайсгербера, В. В. Виноградова и Ю. Н. Караулова. Рассмотрение проблематики личностного восприятия речи и участия в коммуникации способствовало появлению целого ряда инновационных для своего времени прикладных дисциплин, таких как социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, философия языка и т. д. Более того, в последнее время субъектные аспекты коммуникации востребованы и в парадигме теоретического языкознания.

Вместе с тем, на протяжении последних десятилетий становление и развитие компьютерно-опосредованной коммуникации вывело проблематику участия человека в коммуникации на совершенно новый уровень – уровень взаимодействия человека и компьютера, что стало весьма актуальным по мере роста популярности Интернета и социальных сетей. В связи с этим, предметом обсуждения все чаще становятся вопросы феноменологической характеристики и функциональных рамок новой *субъектности* языковой практики [4]. В частности, в данном контексте в центре дискуссии нередко оказываются современные «реинкарнации» *языковой личности*: *коммуникационная личность*, *виртуальная личность*, *информационная личность*, *суперперсональная личность*, *искусственный интеллект* и т. д.

Пожалуй, вполне аргументированно из данного ассоциативного ряда можно исключить *искусственный интеллект* – по факту, науку и технологию создания подобных человеку машин и компьютерных программ. Разумеется, на него принято возлагать особые надежды в плане совершенствования самых разных областей науки, производства и культуры, однако искусственный интеллект пока не создан и неизвестно, будет ли создан. Да и не факт, что наиболее перспективным образцом для создания искусственного интеллекта окажется именно устройство человеческого мозга. Хотя, можно не сомневаться, что искусственный интеллект в эпоху «совершенства методов и неясности целей» человечество ещё долго будет создавать по аналогии с организацией высшей нервной деятельности стандарта *homo*

sapiens [6, с. 14]. Причём необходимость учитывать неразрывность мышления и языка, с технической точки зрения, только усложняет технологический процесс. Традиционно на взаимозависимость языка и мышления внимание обращается в ситуациях, когда игнорировать это уже невозможно: «Мы могли бы быть склонны приписывать акту мышления полную независимость от языка, если бы индивидуум образовывал или был бы в состоянии образовывать свои представления, не пользуясь словами из своего окружения. Но умственный образ индивидуума и формирование его представлений в большой степени зависит от языка» [6, с. 13].

В то же время, «... компьютерные технологии, начиная с середины XX в., всё глубже проникают в социокультурное пространство, вытесняя культурное содержание языковой личности в пользу информационного» [1, с. 65]. В свою очередь, структура информационного пространства всё более усложняется коммуникационными технологиями. Интернет-коммуникация способствовала кристаллизации наиболее феноменологически прозрачного варианта субъектной номинации нового типа – *коммуникационной личности*: «Участие коммуникационных личностей как неких абстрактных реализаций реальных людей в нестабильных сообществах социальных сетей все меньше обусловлено традиционными социальными связями людей» [3, с. 193]. *Коммуникационная личность*, таким образом – реализация субъектной индивидуальности в процессе коммуникации. В данной связи дифференцируются *коммуникационные персоналии, персонажи, фигуранты* и др.

Понятия *коммуникационной личности* и *онлайн-личности* достаточно близки, если анализировать их семантику по использованию в характерных контекстах. Но есть и специфика: *онлайн-личность* – реализация субъектности в режиме «реальновременной» коммуникации. Несмотря на многочисленные примеры недоразумений с электронными адресами и даже связанных с ними злоупотреблений, «...распространённость проблемы не впечатляет абсолютное большинство пользователей, которое невнимательно к своим онлайн-личностям» [7, с. 50]. По словам Патриции Уоллес «Большинство из нас входит в виртуальное пространство... очень мало задумываясь о себе как онлайн-личности – какое впечатление мы произведём на людей, с которыми мы собираемся контактировать в режиме реального времени» [8, с. 14]. Такие поведенческие стереотипы во многом инспирируются кажущейся простотой процедуры смены коммуникационной «маски».

Несомненно, восприятие собеседника в виртуальной реальности в отсутствие визуального и слухового контакта ориентируется на доступные

данные аналитического свойства и интуицию. Практически единственным источником знаний о *виртуальной личности* является её речь в условиях тем или иным образом опосредованной компьютерами коммуникации. Зашифрованная в речевых фрагментах *виртуальная личность* является компьютерно-опосредованной (виртуальной) реализацией субъектности – пока чаще всего, конечно, реального человека. Насколько уникален конкретный вариант языка, опосредованная виртуальной реальностью речь отдельно взятого человека – в любых коммуникационных условиях вопрос не праздный, зачастую весьма насущный.

Введённый в 1940 г. П. Тейяром де Шарденом термин *сверхличность* в интернет-дискурсе к настоящему времени раскрылся более широко и получил творческое развитие [5, с. 373]. Предвосхищая моделирование *гиперперсональной личности* – типичной реализации метаперсональной (гипер-, суб-, интер- и др. «персональной») идентичности субъекта коммуникации – Дж. Уолтер отметил, что, создавая новое качество «гиперперсональной коммуникации», «...медийная среда нередко создаёт условия для коммуникации, которая преодолевает обычный межличностный уровень» [9, с. 3]. Действительно, все чаще в Интернете пользователи способны создавать более высокий уровень знакомства, общности, симпатии и т. д. в группах или коммуникативных «парах-диадах», чем при обычной межличностной коммуникации «лицом-к-лицу».

Лексема *информация*, обуславливающая атрибутивную семантику *информационной личности*, как и реализации других важнейших концептов – *система*, *понятие*, *процесс* и т. д. – «... в последнее время превратилась в некое подобие дискурсивного слова, будучи массово и часто немотивированно используемой для обозначения неких смысловых лакун коммуникации, не поддающихся спонтанной идентификации и словесной актуализации» [2, с. 4]. В разного рода научно-популярных и научно-исследовательских описаниях *информацию* компьютерно-опосредованной коммуникации нередко представляют как некую качественно новую субстанцию. Однако проблематика, связанная с «информационной» идентичностью как таковой, не нова: начиная с Древнего Рима, именно с *информацией* ассоциируется чуть ли не все, что каким-то образом соприкасается с коммуникацией. Тем не менее, потенциал семантизации и узуализации *информационной личности* – субъектной реализации информационного континуума – представляется весьма существенным.

Каким будет выбор сферы речевого функционирования в плане закрепления той или иной атрибутивной характеристики *личности* пока, разумеется, сложно прогнозировать. Однако активная научная рефлексия в

данной связи является вполне оправданной и продуктивной. Так или иначе, для лингвистики индивидуализация языка посредством моделирования личностных особенностей участников коммуникации – весьма перспективное направление исследований. Можно констатировать, что единой модели участника коммуникации пока нет (или, возможно, уже нет). Тем не менее, изучение речи каждого отдельно взятого участника коммуникации – в аспекте специфики языковой, коммуникационной, информационной или любой другой личности обладает высоким научным потенциалом, способным приблизить теоретические представления о языке к сфере реального речевого функционирования.

1. Баркович, А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация / А. А. Баркович. – М.: Флинта : Наука, 2016. – 288 с.
2. Баркович, А. А. Информационная лингвистика и лингвоинформационность в аспекте методологии / А. А. Баркович // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы исследования: материалы III Международной научно-практической конференции, 14-15 марта 2019 г., Минск. – Минск: БГУ, 2019. – С. 3–8.
3. Баркович, А. А. Информационная лингвистика: метаописания современной коммуникации / А. А. Баркович. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2019. – 360 с.
4. Баркович, А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: феноменологический аспект / А. А. Баркович // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2015, № 3 (25). – С. 97–101.
5. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден // Феномен человека: сб. очерков и эссе [сост. и предисл. В. Ю. Кузнецов]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 133–430.
6. Эйнштейн, А. Общий язык науки: пер. с англ. / Альберт Эйнштейн // Эйнштейновский сборник. – М.: Наука, 1966. – С. 12–14.
7. Crystal, D. Language and the Internet / David Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
8. Wallace, P. The Psychology of the Internet / P. Wallace. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. – 264 p.
9. Walther, J. B. Computer-Mediated Communication: impersonal, interpersonal and hyperpersonal interaction / J. B. Walther // CommunicationResearch. 1996. – Volume 23, Number 1. – pp. 3–43.